

Stanford University Libraries

3 6105 117 226 519

17213

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. БѢКЕТОВА.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОВАРОВА И КОМПА.

1861.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

СЪВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ.

Небольшую статью мою, помѣщенную въ 15 № Амура, я закончилъ предположеніемъ, о существованіи полярной сѣверной земли, лежащей *за полосою Ледовитаго моря, противъ береговъ Восточной Сибири*. Основаніемъ этого предположенія служатъ слѣдующія данныя: 1) Несуществованіе суточныхъ приливовъ на Ледовитомъ морѣ. 2) Накопленіе и плаваніе льдовъ на этомъ морѣ, не какъ въ открытомъ океанѣ, а какъ въ обширномъ замкнутомъ бассейнѣ. 3) Существованіе на Ледовитомъ морѣ, такъ называемой великой полыни, за которою видѣнъ въ зимнее время неподвижный ледъ, точно въ томъ же положеніи, какъ это вообще бываетъ зимою на сѣверныхъ моряхъ, около береговъ. 4) Наблюденіе за передвиженіемъ китовъ. 5) Пролетъ чрезъ Ледовитое море птицъ весною и въ исходѣ лѣта. 6) Миграціи чрезъ Ледовитое море оленей, песцовъ и другихъ сухопутныхъ млекопитающихъ, періодически совершаемыя этими животными, то отъ сѣвера къ сибирскимъ берегамъ, то отъ сибирскихъ береговъ къ сѣверу. 7) Легенды и преданія сѣверныхъ народовъ, свидѣтельствующія о существованіи сѣверной земли. 8) Присутствіе страшнаго холода и весьма значительное

колебаніе температуры. 9) Существованіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сѣверѣ признаковъ земли.

Перехожу теперь къ изложенію подробностей моихъ данныхъ:

1) Суточные приливы и отливы. Извѣстно, что явленіе это наиболѣе развито и особенно правильно подѣ тропиками, съ удаленіемъ отъ которыхъ оно ослабѣваетъ постепенно и въ широтѣ 90° , какъ предполагать, должно равняться нулю. Дознано, сверхъ того, что суточные приливы или очень слабы, или вовсе не замѣтны въ моряхъ, соединяющихся съ океаномъ не широкими проливами. Такимъ образомъ, нѣтъ суточныхъ приливовъ на Балтійскомъ, Черномъ и Средиземномъ моряхъ; также незначительны суточные приливы у восточныхъ береговъ Чукотской земли, безъ сомнѣнія оттого, между прочимъ, что Берингово море, омывающее эти берега, отдѣлено отъ тихаго океана грядою Алеутскихъ острововъ. Не существованіе суточныхъ приливовъ и отливовъ въ данной мѣстности, предполагаетъ или близость полюса или замкнутость моря.

Относительно суточныхъ приливовъ на Ледовитомъ морѣ извѣстно, что явленіе это въ водныхъ пространствахъ, примыкающихъ къ берегамъ Восточной Сибири, на протяженіи отъ устья рѣки Яны до Шелагскаго мыса и далѣе къ востоку, не существуетъ, или по крайней мѣрѣ почти незамѣтно. Въ 1850 году я почти цѣлое лѣто провелъ на самомъ берегу Ледовитаго моря и ни разу не замѣтилъ суточного прилива, хотя наблюдалъ его постоянно. Явленіе это равно неизвѣстно туземнымъ старожиламъ, каковы Юкагиры и Чукчи.

Приливы тамъ бываютъ только періодическіе, весьма не правильные, впрочемъ объясняемые дѣйствіемъ западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ, передъ которыми и во время которыхъ вода обыкновенно прибываетъ, а послѣ идетъ на убыль. Передъ продолжительными крѣпкими вѣтрами, море начинаетъ прибывать иногда за цѣлые сутки. Бывало на дворѣ стоитъ тихо и ясно,

а вода вдругъ начинаетъ прибывать и идетъ ненастьемъ, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ подступитъ воды биваетъ обильнѣе; убыль этой воды случается при окончаніи ненастья, производимаго западными и сѣверозападными вѣтрами. Если ненастье было продолжительное и сильное, то отливъ воды начинается ранѣе, иногда за цѣлые сутки до перемены погоды. Въ этомъ отношеніи приливы и отливы моремъ служатъ такъ вѣсто барометра; они предвѣщаютъ ненастье, ведро, перемену вѣтра, замѣтно.

Суточныхъ приливовъ на Ледовитомъ морѣ, около береговъ Восточной Сибири нѣтъ, или они такъ ничтожны, что процессъ этотъ остается незамѣтнымъ. Не зависитъ ли обстоятельство это отъ близости сибирскихъ береговъ къ полюсу, гдѣ, подъ 90° широты, суточные приливы и отливы равняются нулю, или же отъ замкнутости моря, омывающаго эти берега? Последняя причина вѣроятнѣе, ибо берега Сибири, на указанномъ пространствѣ, едва достигаютъ широты 72°. Суточные приливы встрѣчаются на сѣверѣ въ гораздо большихъ широтахъ; такъ сирѣ Эдуардъ Бельчеръ замѣтилъ это явленіе въ проливѣ, отдѣляющемъ Сѣверный Корнуоллисъ отъ земли Гриннола въ широтѣ 77°. Г. Анжу нашелъ правильные суточные приливы и отливы въ широтѣ 76°2', по сѣверную сторону острововъ Новосибирской группы. По увѣренію промышленниковъ, суточные приливы постоянно приицаются въ Благовѣщенскомъ проливѣ, отдѣляющемъ Новую Сибирь отъ Фаддѣевской земли. По этимъ даннымъ, вообще можно предположить, что нодѣйствительность суточныхъ приливовъ, около сѣверовосточнаго азіатскаго материка, происходитъ отъ замкнутости Ледовитаго моря.

2) Лды по Ледовитому морю, около сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири, плаваютъ не какъ въ открытомъ океанѣ, а скорѣе какъ въ обширномъ средиземномъ морѣ, притомъ, ихъ накопилось тутъ столько, сколько съ теченіемъ вѣковъ можетъ накопиться въ замкнутомъ морѣ, откуда нѣтъ имъ сво-

близкого выхода въ открытый океанъ: уже въ широтѣ 70°, здѣсь встрѣчаются такіе непреходящимъ массамъ льдовъ, какихъ въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ около Шпицбергена, нѣтъ и въ широтѣ 80°. При дѣйствіи сильнаго вѣтра съ земли, льды отдѣляются отъ береговъ азіатскаго континента въ неопредѣленную даль; потомъ, когда измѣняется направленіе вѣтровъ, когда они начинаютъ дуть съ моря, тогда льды опять приближаются къ асѣмъ, и такимъ образомъ они плаваютъ тутъ постоянно, какъ въ обширномъ замкнутомъ водномъ бассейнѣ. Замѣчено притомъ, что отъ сѣвера къ сибирскимъ берегамъ возвращаются не другія, а самыя тѣ же массы льдовъ, которыя около нихъ плавали прежде.

Г. Врангель, въ бытность свою на Ледовитомъ морѣ, весною 1822 года, подъ 70°52' с. шир. 1°56' дол. отъ Баранова канна къ востоку, встрѣтилъ одну ледяную мѣстность, съ признаками прошлогодней своей кочевки. Льды эти въ теченіе годаго времени, передвинулись съ прежняго своего мѣста только на 85 верстъ. Конечно подобнаго случая, не могло бы быть въ открытомъ океанѣ? Надобно думать, что Ледовитое море, омывающее берега сѣверо-восточной Сибири, есть море замкнутое, отдѣленное отъ сѣвернаго океана большою землею или цѣпью острововъ, которые, огибая море, содержатъ тутъ находящіеся льды какъ въ озерѣ.

3) Великая полынья. Такъ называли русскіе путешественники постоянно открытую полосу воды на Ледовитомъ морѣ, находящуюся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ азіатскаго материка. Начинаясь отъ сѣверозапада, отъ Котельнаго острова, гдѣ она вѣроятно соединяется съ открытымъ Сѣвернымъ океаномъ, полынья эта идетъ къ юго-востоку до Медвѣжьихъ острововъ и далѣе, до острова Кулючи, откуда заворачивается къ сѣверо-востоку, образуя такимъ образомъ линію, длиною до 1,500 верстъ. О великой полыньѣ упоминаютъ г. Геденштромъ, лейтенантъ Анжу и другіе путешественники; существованіе ея подтверждается также разсказами нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ очевидцевъ, изъ простаго народа, имѣвшихъ слу-

чай посѣщать Ледовитое море. Къ числу такихъ лицъ принадлежатъ жители Индигирскаго, Колымскаго и Чукотскаго края. По ихъ словамъ, за полярною находится въ зимнее время ледъ точно въ такомъ же положеніи, какъ и около сибирскихъ береговъ, т. е. стоитъ неподвижною сплошною массою. Геденштромъ, Санниковъ и другіе путешественники, намѣреваясь какъ можно далѣе проникнуть къ сѣверу, пытались перебраться на другую сторону упоминаемой полярны, но не могли этого сдѣлать, за неотысканіемъ объѣзда, а перенлыть черезъ полярную имъ было не на чемъ, за неимѣніемъ лодки. Въ этомъ свидѣтельствѣ особенно важнымъ я нахожу то, что ученые путешественники, равно какъ и мѣстные очевидцы, говорятъ именно объ усмотрѣнной ими полярнѣ, а не объ открытомъ океанѣ. По сѣверную сторону называемой Великой полярны, замѣченъ стоячій, неподвижный ледъ, находящійся точно въ такомъ же положеніи, какъ обыкновенно бываетъ это на морѣ въ зимнее время, около сибирскихъ береговъ. Ледъ можетъ такимъ образомъ стоять на морѣ зимою не иначе, какъ прикрѣпившись или къ отмели, или къ какому-нибудь берегу; поэтому надобно полагать, что за великою полярною находится или отмель, или цѣль острововъ, но никакъ уже не океанъ открытый.

4) Наблюденіе за передвиженіемъ китовъ. Извѣстно, что киты проводятъ лѣтнее время въ полярныхъ моряхъ на самомъ глубокомъ сѣверѣ, откуда потомъ они въ началѣ осени переходятъ на зимовку къ югу. Неизвѣстно съ точностію, гдѣ именно зимуютъ эти животныя, и какими путями весною пробираются на сѣверъ, только стада ихъ обыкновенно осенью слѣдуютъ къ югу, вдоль сибирскихъ береговъ, что особенно замѣчено около Большаго Баранова камня, Эррея, Якана. Кулючинскіе и другіе туземные промышленники, пользуясь этимъ благопріятнымъ для нихъ обстоятельствомъ, съ давнихъ лѣтъ занимались ловлею китовъ, и иногда убивали ихъ въ большомъ количествѣ, штукъ по 50 въ одну осень. Съ 1847 года на

Ледовитомъ морѣ постоянно стали являться также американскіе китоловы, которые иной разъ здѣсь остаются даже на зимовку; такъ въ 1851 — 1852 годахъ въ Колочинской губѣ зимовали 160 американскихъ китобойныхъ судовъ. Можно себѣ представить, какой опасности подвергаются киты, слѣдуя вдоль берега, гдѣ сторожить ихъ множество промышленниковъ туземныхъ и иноземныхъ. Кроме опасности со стороны человека, китамъ угрожаетъ тутъ большая опасность со стороны льда, который около берега осенью чрезвычайно накапливается, нерѣдко затираетъ ихъ тутъ по одиночкѣ и цѣлыми стадами. Въ 1850 году въ Чаванской губѣ и около Шелагскаго мыса, затерто льдомъ до 15 китовъ. Но не смотря на это, киты жмутся осенью къ сибирскимъ берегамъ ⁽¹⁾. Это обстоятельство объясняли нѣтъ Чукчи тѣмъ, что въ отдаленіи отъ материка, по ихъ мнѣнію, въ осеннее время, льдовъ бываетъ еще болѣе, и самое море замерзаетъ ранѣе, такъ что киты, съ наступленіемъ холодовъ, не имѣютъ никакой возможности держаться тамъ, и по необходимости приближаются къ берегу. Раннее наступленіе холодовъ и замерзаніе Ледовитаго моря въ отдаленіи отъ береговъ подтверждается раннимъ вылетомъ оттуда птицы. Въ 1850 году, во время слѣдованія моего во Ледовитому морю, уже 15 августа встрѣчено мною стадо гусей, летѣвшихъ на зимовку изъ-за моря, отъ сѣвера къ югу, тогда какъ гуси собственно съ береговъ Ледовитаго моря отлетаютъ не ранѣе двадцатыхъ числа августа. Я разсуждаю, что открытый океанъ или не замерзалъ бы вовсе, или по крайней мѣрѣ замерзалъ бы уже подѣй своихъ прибрежій; въ томъ и другомъ случаѣ киты не жались бы къ берегу, гдѣ они подвергаются такой опасности, а оставались бы въ свободныхъ пространствахъ; гуси не отлетали бы изъ-за моря такъ рано. Надо полагать, что противъ

(1) Равнымъ образомъ осенью появляются около Чукотскихъ береговъ моржи, по туземному называемые рырка и кэлючъ (*trichechus rosmarus*).

сибирскихъ береговъ не океанъ, а большая матерая земля или архипелагъ, и облегающія его воды могутъ только замерзать такъ рано.

5) Путешественники многократно наблюдали за перелетомъ птицъ на Ледовитомъ морѣ. Первый по времени упоминаетъ объ этомъ знаменитый мореплаватель Кукъ. Во второй половинѣ августа 1778 года, онъ лично видѣлъ стада гусей и утокъ, летѣвшихъ чрезъ Ледовитое море, отъ сѣвера къ югу. Кукъ тогда былъ подъ $68^{\circ}56'$ широты, $179^{\circ}11'$ долготы отъ Гринвича къ западу, близъ острова Кулючи, который находится 400 вер. восточнѣ Шелагскаго мыса.

На пространствѣ между урочищами Яканъ и Лялеранъ, (Лялеранъ восточнѣ Шелагскаго мыса на 60 верстъ, а Яканъ на 200 вер.) ежегодно, въ исходѣ лѣта, вылетаютъ съ Ледовитаго моря, такъ называемые бѣлые гуси (*anser cygnoides*, по-чукотски лепеть), и въ этихъ мѣстахъ, по достиженіи берега, дѣлаютъ привалъ, садясь по низменнымъ тундрамъ; очевидно, птицы садятся здѣсь, чтобы отдохнуть послѣ тяжелаго перелета, что въ свою очередь заставляетъ догадываться объ отдаленности той земли, откуда эти бѣлые гуси вылетаютъ на Чукотскій берегъ, во время своего слѣдованія отъ сѣвера къ югу. Выше упомянуто было, что гуси передъ осенью вылетаютъ съ моря также къ Большому Баранову камню (около 100 верстъ восточнѣ устья р. Колымы).

Въ первыхъ числахъ сентября 1850 года я замѣтилъ множество вылетѣвшихъ съ Ледовитаго моря къ Большому Баранову камню мелкихъ птицъ, извѣстныхъ тамъ подъ названіемъ сѣрыхъ пловунцовъ (*phalaropus cinereus*), которые, по достиженіи берега, слѣдовали къ юго-востоку. Въ Нижнеколымскѣ птицы этого вида показываются только весною; по морскому берегу можно видѣть ихъ лѣтомъ изрѣдка; онѣ преимущественно держатся въ лѣтнее время морскихъ острововъ, но неизвѣстно какихъ именно.

Въ окрестностяхъ Нижнеколымска мнѣ случалось въ про-

летнюю осеннюю пору замѣчать птицъ, вовсе не встрѣчающихся тамъ ни весной ни лѣтомъ; къ числу такихъ птицъ относится одинъ большой зукъ, имѣющій перепончатые ноги и расширенный носъ. Можетъ быть эти птицы лѣто проводятъ гдѣ нибудь на островахъ Ледовитаго моря.

Весною птицы слѣдуютъ чрезъ Ледовитое море отъ юга къ сѣверу. Я неоднократно видѣлъ стада чаекъ, утокъ и гусей, улетавшія въ море отъ Большаго Баранова камня и отъ Медвѣжьяго камня (послѣдній находится по восточную сторону устья рѣки Колымы). 24 апрѣля 1851 года, я замѣтилъ небольшое стадо гусей, летѣвшихъ въ море отъ устья рѣки Большой, находящейся около 100 верстъ восточнѣе Баранова камня; гуси эти слѣдовали на сѣверо-западъ. Г. Врангель, въ бытность свою на Ледовитомъ морѣ, подъ 71°18' широты 4°36' восточной долготы отъ Большаго Баранова камня, въ апрѣлѣ 1821 г. видѣлъ несчетное множество черныхъ утокъ, которыя нѣсколько дней тянулись надъ головами путешественниковъ, слѣдуя по направленію отчасти къ западу, отчасти къ сѣверо-западу. Геденштромъ, находившись отъ ближайшаго берега за 245 верстъ, 1-го мая 1810 года, на Ледовитомъ морѣ, напротивъ Большаго Баранова камня, видѣлъ стадо гусей, летѣвшихъ къ сѣверо-западу, и бѣлаго филина. Явленіе бѣлаго филина—сухопутной птицы, въ такой отдаленности отъ материка, стоитъ особеннаго вниманія, и тѣмъ болѣе, что филинъ усмотрѣнъ Г. Геденштромомъ именно въ такое время, когда птицы этого вида, по семейнымъ обстоятельствамъ, ведутъ осѣдную жизнь. Бѣлый филинъ, водящійся около Ледовитаго моря, съ 23 апрѣля, какъ извѣстно, несетъ уже яйца и не отлучается отъ своего гнѣзда на далекое пространство. Надобно полагать, что г. Геденштромъ недалеко находился отъ какого-нибудь неизвѣстнаго берега, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что путешественнику тамъ попадались льдины, на верху которыхъ лежали глыбы земли, свойственной береговымъ ярамъ (грунтъ морскаго дна тамъ состоитъ изъ зеленоватаго ила).

Разсказываютъ, что на приморскую полосу земли Анабарскаго края, нѣкоторыя породы плавающихъ птицъ весною прилетаютъ не отъ юга, какъ слѣдовало бы ожидать и какъ обыкновенно бываетъ, а отъ сѣвера, изъ открытаго Сѣвернаго океана, куда онѣ опять улетаютъ въ исходѣ лѣта. Къ числу такихъ птицъ относятся бѣлые гуси и черныя утки. Я не думаю, чтобы гуси и утки могли зимовать на сѣверѣ, откуда даже киты удаляются съ наступленіемъ холодовъ; вѣроятноже, что у этихъ птицъ по Сѣверному океану лежитъ только перелетный путь между лѣтними и зимними ихъ мѣстопребываніями. Это обстоятельство заставляетъ предполагать на Сѣверномъ океанѣ или присутствіе земли, или цѣпь острововъ, которыхъ гуси и утки придерживаются во время перелета изъ теплыхъ странъ въ холодныя и обратно. Бѣлые гуси и черныя утки (*anas nigra*) на анабарскую тундру можетъ быть прилетаютъ съ острововъ Тихаго океана; не тѣ ли, это бѣлые гуси и черныя утки, которыя въ исходѣ лѣта прилетаютъ отъ сѣвера на приморскій берегъ, между урочищами Лялеранъ и Яканъ? Черныя утки въ большомъ количествѣ являются на Чукотскій берегъ въ исходѣ лѣта и Чукчи довольно ловятъ ихъ тогда своими метательными снарядомъ „эплекать“ (2).

Точно такимъ же образомъ весною прилетаютъ отъ сѣвера водоплавающія птицы, именно бѣлые гуси, на алазейскую тундру, откуда въ исходѣ лѣта онѣ опять улетаютъ, повидимому на сѣверъ; но вѣроятно гуси эти, точно также какъ и гуси

(2) Метательный этотъ снарядъ состоитъ въ слѣдующемъ: берутъ 10 толстыхъ жилиныхъ нитокъ, длиною каждая въ аршинъ, и на одномъ концѣ связываютъ ихъ въ пукъ; на другомъ концѣ у каждой нитки прикрѣпляютъ костяной шарикъ, величиною съ бобъ. Эплекать, ловко брошенный въ густой табунъ летающихъ утокъ, захватываетъ вдругъ многихъ, обвиваясь своими прядями около шеекъ и крыльевъ. Эплекать особенно въ употребленіи на урочищѣ Рыркайпінанъ; черныя утки, слѣдуя вдоль морскаго берега, здѣсь перелетаютъ чрезъ низменный перешеекъ одного выдававшегося въ море мыса. Тутъ на перешейкѣ залегаютъ охотники, сторожа свою добычу.

анабарскіе, по островамъ Сѣвернаго океана только пролетаютъ, а зимуютъ гдѣ-нибудь въ теплыхъ мѣстахъ на Тихомъ океанѣ. Бѣлые гуси съ незапамятныхъ времёнъ держались, по приморскимъ мѣстамъ на всемъ пространствѣ между Яною и Колымой; здѣсь ежегодно промышленники убивали ихъ, въ лѣтнюю пору, тысячами; потомъ ихъ постепенно становилось меньше. Съ 1830 по 1849-й годъ птицъ этого вида тамъ было еще весьма много, но онѣ держались уже только одной алазейской тундры. Съ 1850 года по 1855 г. онѣ прилетали сюда въ маломъ количествѣ, а въ 1856 г. уже не прилетали вовсе. Алазейскіе Тунгусы и Юкагиры думаютъ, что эта перемѣна съ гусами произошла не въ слѣдствіе окончательнаго истребленія этихъ птицъ на алазейской тундрѣ, а въ слѣдствіе перемѣны гусами мѣста лѣтовки. Тунгусы и Юкагиры думаютъ, что бѣлые гуси, оставивъ алазейскую тундру, лѣтуютъ гдѣ-нибудь на незнакомыхъ островахъ Ледовитаго моря.

6) Передвиженіе по Ледовитому морю оленей, песцовъ, лисицъ, волковъ, мышей. Передвиженіе, совершаемое періодически, замѣчено въ трехъ мѣстностяхъ, именно въ землѣ Чукчей около Святаго мыса и на Колымско-Алазейской тундрѣ ⁽³⁾...

Въ землѣ Чукчей, въ западной сторонѣ Якана, есть урочище Коэвгвнъ. Въ апрѣлѣ 1852 года я имѣлъ случай посѣтить это урочище лично, гдѣ тогда, при устьѣ маленькой рѣчки, проживали два семейства сидячихъ Чукчей, занимавшихся ловлею нерпъ, песцовъ и оленей. Чукчи эти рассказали мнѣ, что за десять лѣтъ предъ тѣмъ, отъ сѣвера съ моря на Коэвгвнъ, и притомъ прямо къ самымъ юртамъ, выплыло величайшее стадо полевыхъ дикихъ оленей, изъ которыхъ многіе, особенно молодые, отъ случившагося на тотъ разъ волненія, утонули и

⁽³⁾ Рассказываютъ, что есть и четвертая мѣстность въ сѣверной полосѣ Сибири, гдѣ выходятъ съ моря песцы; мѣстность эта—приморскій берегъ Туруханскаго края. Песцы въ большомъ количествѣ приплываютъ сюда на ледяныхъ поляхъ, носимыхъ по Сѣверному океану; здѣсь выходятъ на берегъ, разбѣгаются по пустынной тундрѣ и на ней плодятся.

выброшены на морской берегъ уже мертвыми. Это было въ лѣтнее время. Утонувшихъ оленей туземцы убрали трое сутокъ. По словамъ Чукчей, олени чрезъ Ледовитое море, въ лѣтнее время, переправляются впрочемъ чрезвычайно рѣдко; за то зимою, когда море покрыто сплошнымъ стоячимъ льдомъ, олени очень часто переходятъ, то отъ Коэвгви на сѣверъ, неизвѣстно куда, то отъ сѣвера на Коэвгви. За оленями обыкновенно слѣдуютъ и враги ихъ, волки; тутъ же переходятъ песцы и лисы. Эти интересные свѣдѣнія, полученные отъ жителей Коэвгви, я впоследствии провѣрилъ разпросами на Шелагскомъ мысѣ, на Чаванѣ и въ другихъ мѣстахъ; отвѣты Чукчей были вездѣ одинаковы. О выходѣ оленей съ Ледовитаго моря упоминается въ путешествіи г. Врангеля; имъ одѣлана небольшую вышку наъ его интереснаго описанія. „Между мысами Эррель (такъ Чукчи называютъ мысъ Шелагскій) и Рыркайяна, съ невысокихъ прибрежныхъ скалъ, находящихся близъ устья одной рѣчки, въ ясное лѣтнее время бываютъ видными на сѣверѣ за моремъ выходы, обшгомъ покрытыя горы. Въ прежніе годы, вѣроятно отсюда приходили на азіатскій берегъ большія стада дикихъ оленей; но преслѣдуемая и истребляемая Чукчами и волками, они теперь (это свѣдѣніе относится къ 1828 году) не показываются. Самъ рассказчикъ, шелагскій Чукча Кыцакай, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ однажды цѣлый день преслѣдовалъ стадо дикихъ оленей; но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега морской лодъ сдѣлался столь неровенъ, что охотникъ, схвативъ на парѣ оленей, запряженныхъ въ сала, принужденъ былъ воротиться.“

Рѣчка, о которой говорится здѣсь, безъ сомнѣнія есть та же самая рѣчка, Коэвгви, о которой я упоминалъ уже выше; близъ нея дѣйствительно есть нерысые приморскіе береговые утесы. Рѣчка этого имени тамъ двѣ; обѣ онѣ находятся въ близкомъ одна отъ другой разстояніи. Надобно замѣтить, что при разсказахъ о выходѣ полевыхъ дикихъ оленей съ Ледовитаго моря на азіатскій материкъ, Чукчи разумѣютъ Коэвгви западный.

Вторая извѣстная мѣстность, куда олени выходятъ съ моря,

Устьянскій край, и особенно находящійся тамъ мысъ, называемый Святымъ Носомъ. Купецъ Ляховъ, искавшій въ тѣхъ мѣстахъ мамонтовую кость, въ 1770-мъ году замѣтилъ большое количество дикихъ оленей, слѣдующихъ стадами по Ледовитому морю отъ сѣвера къ упомянутому Святому Мысу. Ляховъ изъ любопытства пожелалъ узнать, откуда шли эти животныя, отправился въ море на собакахъ, и, слѣдуя къ сѣверу по проложеннымъ оленями тропамъ, достигъ ближайшихъ острововъ, извѣстныхъ нынѣ подъ названіемъ перваго и втораго Ляховскихъ. Черезъ два года тотъ же купецъ Ляховъ, держась оленьихъ слѣдовъ, пустился еще далѣе на сѣверъ и отырялъ еще одинъ островъ, на берегу котораго, къ удивленію своему, увидѣлъ мѣдный котелъ и наколотыя дрова. По этому поводу новооткрытый Ляховскій островъ названъ котельнымъ. Дальнѣйшихъ наблюденій надъ передвиженіемъ оленей, Ляховъ не производилъ, но, собравши слѣдующія обстоятельства, можно догадываться, что усмотрѣнные купцомъ Ляховымъ олени не принадлежали къ водящимся на островахъ Новосибирской группы; они равно не принадлежатъ и къ породѣ, отличающейся своими особенностями съ тѣми, которые водятся на материкѣ въ предѣлахъ Верхоянскаго округа.

Промышленники Устьянскаго края различаютъ два вида приполярныхъ дикихъ оленей, изъ которыхъ одни называются у нихъ тундренными, а другіе—морскими. Тундренные олени лѣтнее время проводятъ на тундрѣ и по берегамъ Ледовитаго моря, а съ наступленіемъ осени удаляются къ югу и зимуютъ въ помосѣ Верхоянскихъ лѣсовъ. Морскіе олени лѣтнее время проводятъ гдѣ-то за моремъ, откуда осенью они выходятъ на азіатскій материкъ и зимуютъ на нидигирско-япской тундрѣ. Этотъ образъ жизни туземныхъ оленей и служитъ основаніемъ тому, что одни изъ нихъ названы тундренными, а другіе—морскими. Очевидно, что это—двѣ различныя породы сѣверныхъ оленей. По увѣренію промышленниковъ, тундренные и морскіе олени, какъ бы чуждаются одинъ другимъ и никогда не табунаются вмѣстѣ; а

если и встрѣтятся гдѣ-нибудь, то при такой встрѣчѣ всегда бывають между ними драки. Но самое важное свѣдѣніе, какое, относительно этихъ двухъ видовъ оленей Устьинскаго края, я получилъ отъ туземныхъ промышленниковъ, состоитъ въ томъ, что морскіе олени малорослѣе тундренныхъ, выходятъ, или по крайней мѣрѣ выходили на тундру ежегодно и притомъ, какъ меня убѣдили, въ величайшемъ количествѣ.

Относительно оленей, водящихся на Новой Сибири, собранныя мною свѣдѣнія состоятъ въ томъ, что во-первыхъ, олени тамонніе рослѣе тѣхъ, которые встрѣчаются на материкѣ; во-вторыхъ — новосибирскіе олени лѣто и зиму проводятъ на Новой Сибири; въ-третьихъ, оленей на Новой Сибири не очень много. Поэтому я думаю, малорослые морскіе олени, появляющіеся въ большомъ количествѣ ежегодно, приходятъ на индигирско-яскую тундру не съ Новой Сибири, а съ какихъ-нибудь неизвѣстныхъ острововъ Ледовитаго моря.

Третья мѣстность устья р. Колымы и соседняя съ ней, такъ называемая Алазейская тундра, т. е. приморское пространство между рѣками Алазеею и Колымою. Сюда выходитъ временно съ моря пещи, годовы черезъ семь, а иногда и черезъ десять, что конечно должно зависеть отъ замерзанія Ледовитаго моря, изъ котораго животныя эти выходятъ. Ихъ въ окладіе отъ водящихся на материкѣ, туземцы называютъ морскими, или по мѣстному выраженію, идучею накомостью. Они иногда приходятъ съ моря въ величайшемъ количествѣ. Большой выходъ морскихъ пещцовъ на колымскую тундру, между прочимъ, былъ зимою въ 1842—1843 г.; въ слѣдствіе чего туземные промышленники лѣтомъ и осенью 1843 года нѣли весьма обильный уловъ этого звѣря, и особенно много было поймано моринковъ, какъ называются тамъ пещцовые щенки, покада они еще остаются въ своихъ норахъ, въ которыхъ рождаются.

На Колымско-Алазейскую, равно и на Яско-Индигирскую тундры, временемъ выходятъ съ Ледовитаго моря также мыши въ несметномъ количествѣ. Не достигая Азіатскаго материка,

эти маленькія животныя производятъ болширо опустошеніе въ растительномъ царствѣ; онѣ поѣдаютъ траву на поляхъ и истребляютъ у Якутовъ запасы сѣна, въ слѣдствіе чего, нерѣдко, бываетъ тамъ безжорница, а затѣмъ и скотскій падежъ. Такое несчастье достигло окрестности Среднеколымска зимою въ 1849 г., когда тамъ многіе хозяева разорились совершенно, и собственно оттого, что съ осени появилось тамъ множество мышей, которыми сѣди въ поляхъ траву и истребили въ огородахъ сметанное сѣно. Эти миграціи мышей съ Ледовитаго моря на Азіатскій материкъ совершаются въ огромномъ размѣрѣ. Во время своихъ передвиженій, отъ медленнаго слѣдованія своего по морю, мыши пожираютъ другъ друга; доказательствомъ этому служатъ обѣденные у многихъ изъ нихъ хвосты и уши, и такъ какъ странствующихъ мышей во множествѣ истребляютъ постоянно слѣдующіе за ними песцы и лисицы, то можно себѣ представить, сколько ихъ должно быть за моремъ, и въ какомъ изумительномъ количествѣ выступаютъ онѣ оттуда на переселеніе. Я предполагаю, что мыши эти суть порожденіе сѣверной земли. Весьма скудные растительностию острова Новосибирской группы, по мнѣнію моему, не могутъ производить такого множества мышей. Бесплодные Новосибирскіе острова не въ состояніи, кажется, произвести ни такого множества мышей, ни потребнаго для нихъ корма. Къ тому же, промышленники увѣряютъ, что Новосибирскіе острова годождъ изобилуютъ мышами, а годождъ ихъ тамъ почти вовсе не бываетъ. Слѣдовательно и на эти острова мыши приходятъ временно, и можетъ быть тоже съ Сѣверной земли.

7) Преданія и рассказы сѣверныхъ народовъ свидѣтельствуютъ о существованіи неизвѣстной, въ настоящее время, Сѣверной земли. Эскимосы, живущіе по берегамъ Ледовитаго моря, въ Америкѣ, указываютъ на сѣверъ, какъ на исходный пунктъ своего племени. У нашихъ Юкагировъ сохранилось преданіе, что предки ихъ Омоки, жившіе на Колымѣ и Индигиркѣ, при появленіи тамъ Русскихъ, удалились въ море. Шелаги, по сказанію

Чукчей, бѣжали за море, куда отправились они съ Шелатскаго мыса. За море же открылись чукотскіе крамольники Крѣкой и Ърууа, Дополненіемъ ко всему этому служатъ основанныя на преданіяхъ и пересказахъ слухи, о существованіи на Ледовитомъ морѣ, русскаго раскольническаго очита.

Мнѣніе Декинмозовъ о сѣверѣ, какъ объ исходномъ пунктѣ своего племени, извѣстно изъ описаній нѣкоторыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ сѣверные берега Америки; объ этомъ мнѣніи, между прочимъ, упоминаетъ докторъ Гэ (Hayes), начальникъ новѣйшей экспедиціи, предпринятой Американцами, для продолженія ученыхъ изслѣдованій въ Арктическихъ моряхъ. Къ сожалѣнію, путешественники не сообщаютъ никакихъ подробностей объ исходѣ Декинмозовъ съ сѣвера, и мы по необходимости должны ограничиться только однимъ указаніемъ на существованіе этой мысли у Декинмозовъ.

Омоки. Слово это, нерѣдко употребляемое новѣйшими изслѣдователями, не встрѣчается у сибирскаго исторіографа Миллера, писавшаго въ первой половинѣ XVIII столѣтія; оно можетъ быть происходить отъ Якутскаго „омукъ“, что въ переводѣ означаетъ народъ. Подъ именемъ Омоковъ разумѣются предки нынѣшнихъ Юкагировъ ⁽¹⁾.

Омоки жительство свое имѣли по побережьямъ Ледовитаго моря, преимущественно по нижнему теченію рѣкъ Яны, Индигирки, Большой-Чукочей, Колымы, а также по Омолону и двумъ Анюямъ. По мнѣнію Чукчей, къ племени Омоковъ принадлежали и Шелаги, о которыхъ мы будемъ говорить особо; замѣтимъ здѣсь только, что Русскіе изъ обитателей Колымскаго края, признають Шелаговъ Чукчами, и въ слѣдствіе этого получала свое названіе рѣка Большая Чукочья, около которой

(1) Въ приходскихъ росписяхъ Нижнеколымской церкви нѣкоторые роды Юкагировъ, живущихъ по р. Анюю, и нынѣ еще называются омокиими.

жили Шелаги, по своимъ розысканіямъ дѣйствительно составлявшие отрасль Омоксо-юкагирскаго племени. Если вѣрить преданію, Омоки были многочисленный и сильный народъ, и это отчасти подтверждается оставшимися послѣ нихъ древними укрѣпленіями изъ толстыхъ бревенъ, и слѣдами кладбищъ, принадлежавшихъ, какъ думаютъ, Омокамъ; эти слѣды кладбищъ, въ видѣ отропныхъ кургановъ, особенно попадаются около р. Индигирки (см. Путешествіе по Сибири г. Врангеля). Еще въ 1843 году можно было видѣть нѣкоторые остатки большихъ бревенчатыхъ Омскихъ укрѣпленій въ Нижнеколымскомъ приходѣ; между прочимъ остатки одного такого укрѣпленія находились на правомъ берегу р. Колымы, въ роцѣ, называемой Потоскуй, нѣсколько выше устья рѣки Большаго Аниэ. Омоковъ не стало; чѣмъ объяснить исчезновеніе этого народа, куда дѣвался онъ?—На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ Юкагирское преданіе. „Многихъ Омоковъ истребили Русскіе при завладѣніи страной; многіе истребили сами себя при насильственномъ обращеніи ихъ въ христіанство самозваными проповѣдниками изъ мірянъ, принадлежавшихъ къ старообрядческой какой-то сектѣ; многіхъ Омоковъ истребила опустошительная оспа; прочіе, за исключеніемъ весьма немногихъ, немущихъ и совершенно бѣдныхъ семействъ, удалились, или какъ говорятъ Юкагиры, уководили въ море. О большомъ избіеніи Омоковъ, бывшемъ на Колымѣ, преданіе одинаково сохранилось какъ у Юкагировъ, такъ и у туземныхъ Русскихъ, съ тою только разностію, что Юкагиры приписываютъ это несчастное происшествіе какимъ-то русскимъ судовщикамъ, прибывшимъ съ моря на кочахъ, а Русскіе — Шелагамъ, приплывшимъ будто бы на байдаркахъ съ Шелагскаго мыса. Мѣста, гдѣ побиты Омоки, нынѣ извѣстны подъ названіями: Погромная, Ермолова, Дуванная; урочища эти находятся на лѣвомъ берегу Колымы, въ Нижнеколымскомъ приходѣ. Относительно самоизбіенія Омоковъ въ преданіи говорится, что они, будучи приневоливаемы раскольниками къ принятію рус-

ской вѣры, собирались подъ тяжелыми лабазами, роили ихъ на себя, и такимъ образомъ гибли цѣлыми семействами.“

Переселеніе Омоковъ за море много говоритъ въ пользу мнѣнія о существованіи на сѣверѣ земли, которую знали эти люди и на которой надѣлились они заселиться, оставляя мѣста прежняго своего водворенія на материкѣ. На извѣстныхъ нынѣ островахъ Ледовитаго моря, именно на островахъ Новосибирской и Медвѣжьей группъ, встрѣчаются развалины существовавшихъ тамъ построекъ; погреба, лабазы, земляныя юрты; между прочимъ найдено одно укрѣпленіе и другіе разные признаки жилья, заставляющіе думать, что тамъ когда-то были люди, еще незнакомые употребленію желѣза. Не принадлежали ли эти развалины предметъ Юкагировъ, укочевавшихъ въ море, о которыхъ упоминается въ преданіи? Они дѣйствительно вмѣсто желѣза употребляли еще камень и кость и жили отчасти въ землянкахъ; такъ при рѣкѣ Чендошъ, впадающей въ Ледовитое море по восточную сторону Яны, Елисейскій казачій десятникъ Елисей Буза въ 1639 г., какъ говоритъ Миллеръ, зимовалъ у Юкагировъ, жившихъ въ землянкахъ. Однако на островахъ Ледовитаго моря не найдено самихъ Омоковъ, ни ихъ могилъ и костей, изъ чего можно бы заключить, что тутъ вымеръ народъ. Очевидцы — я лично знакомъ былъ со многими изъ нихъ — свидѣтельствуютъ, что встрѣчающіеся на Медвѣжьихъ и Новосибирскихъ островахъ развалины столь же древнія, какъ и Омокискія, находящіяся на материкѣ; этого конечно не могло быть, если бы Омоки водворились тамъ по своему уходѣ въ море. И такъ я думаю, что Омоки, укочевавшіе въ море, поселились не на Медвѣжьихъ и Новосибирскихъ островахъ, а въ другомъ, неизвѣстномъ, покуда мѣстѣ, можетъ быть на предполагаемой Сѣверной землѣ, и туда же, въ общемъ бѣгствѣ своемъ увлекли островитянъ. Въ дополненіе этихъ свидѣній о бѣгствѣ Омоковъ, мы сдѣлаемъ краткую выписку изъ отрывковъ о Сибири г. Геденштрёма. Онъ говоритъ: „Объ Омокахъ рассказываютъ нынѣшніе Юкагиры, что они удалились на острова

Ледовитаго моря, противъ устьевъ Яны и Индигирки, болѣе ста лѣтъ тому назадъ. На сихъ островахъ (въ 1809 и 1840 годахъ) находилъ и я еще слѣды кочевьевъ ихъ, но неизвѣстно вымерли тамъ Омоки всѣ, или переселились на другіе лучшіе острова; послѣднее вѣроятнѣе.“ Объ удаленіи Омоковъ на острова Ледовитаго моря, лежащіе противъ устьевъ Яны и Индигирки, г. Геденштронтъ, безъ сомнѣнія, слышавъ отъ Яконскихъ и Индигирскихъ Юкагировъ; Колымскіе и Анойскіе ихъ родичи передавали имъ только о томъ, что предки ихъ Омоки уключили въ море чрезъ устье р. Колымы, двѣя партіи, изъ которыхъ передняя направилась къ сѣверозападу, а задняя, слѣдовавшая нѣсколькоми днями послѣ, прямо къ сѣверу. Передняя партія, говорятъ, достигла своей цѣли, о задней рассказываютъ, что она потерялась безъ вѣсти. Бѣгство Омоковъ съ Колымы носилось всю зиму.

Относительно племени Шелаговъ русскіе обитатели Нижне-колымскаго края, о чемъ упомянуто было выше, признаютъ этотъ народъ за Чукчей. По разсказаніямъ барона Врангеля, люди эти были одноплемени съ Тунгусами; Алазейскіе Тунгусы въ своихъ преданіяхъ о старинѣ называютъ Шелаговъ некрещеными людьми русскаго рода, Чукчи же причисляютъ ихъ къ племени Омоковъ и называютъ словомъ Чавачъ или Чавачнъ. Я на этотъ разъ охотѣе вѣрю Чукчамъ, мнѣніе которыхъ о братствѣ Шелаговъ съ Омоками подтверждается разсказомъ Анойскихъ Юкагировъ, что Шелаги и Омоки сходились между собою на народныхъ празднества, занимались играми, борьбою, бѣганьемъ, примѣрнымъ сраженіемъ — фехтованьемъ на колыяхъ. Въ одно время, осенью, столько собралось Омоковъ и Шелаговъ на какомъ-то обширномъ озерѣ, что ледъ, бывшій толщиною около двухъ четвертей, подломился подъ ними отъ тяжести и множество потонуло ихъ. Очень жалѣю, что мнѣ не удалось собрать подробностей, относительно любопытнаго мнѣнія Алазейскихъ Тунгусовъ, какое они имѣютъ о Шелагахъ, которые у нихъ въ преданіяхъ называются некрещеными людьми Русскаго рода.

Шелаги, по рассказамъ Чукчей, жили въ окрестностяхъ Чаванской губы и на Шелагскомъ мысѣ. На островѣ Акѣ, 50 верстъ западнѣе этого мыса, есть семь холмовъ, извѣстныхъ тамъ подъ названіемъ Костяныхъ юртъ; они состоятъ изъ оленьихъ роговъ и возведены, какъ думаютъ, Шелагами. При слияніи рѣчекъ Алыкагвезъ и Неглявезъ, по юговосточную сторону Чаванской губы, у Шелаговъ былъ жертвенный холмъ, около котораго еще въ 1852 году валялись во множествѣ сажженные кости оленей. Шелаги есорились съ Чукчамп, были побѣждены и удалились къ сѣверу, за море. Такъ все это мнѣ передавали Чукчи, въ бытность мою у нихъ на Шелагскомъ мысѣ. На вопросъ мой, по какому направленію удалились Шелаги, рассказчикъ, именемъ Рина Тэвляоргъ, сынъ Кымакан, потомокъ одного плѣннаго Чукчани Шелага, махнулъ рукой на сѣверозападъ. Военныя чукотскія правила дозволяютъ въ плѣнъ брать только женщинъ и дѣтей; взрослому врагу мужескаго пола не даютъ пощады, и обыкновенно побѣжденного убиваютъ. Съ плѣнными женщинами и дѣтьми поступаютъ какъ съ безотвѣтными рабами, неимѣющими никакихъ личныхъ гражданскихъ правъ. Владѣтель воленъ продать своего раба и убить его; право это владѣтель не распространяетъ на потомства рабовъ, которое считается уже свободнымъ.

На одной расписной картѣ, составленной въ 1725 году, противъ устья р. Колымы, въ широтѣ 75°, обозначена на Ледовитомъ морѣ обитаемая Шелагами земля, которая въ отношеніи къ Шелагскому мысу дѣйствительно приходится на сѣверозападъ. Съ другой стороны упоминаемая карта свидѣтельствуесть о давности преданія касательно удаленія Шелаговъ за море; она составлена со словъ Шелагскаго князя Копая, жившаго на берегу Ледовитаго моря, за 200 верстъ отъ устья р. Колымы къ востоку (см. Сибирскую Исторію Миллера).

Ыррува и Крѣкай или Храхай. По словамъ однихъ это были Чукчи, а по словамъ другихъ—плѣнные Шелаги, взятые въ дѣтствѣ и потомъ вскормленные Чукчани. Преданіе говоритъ,

что Ёррува и Крёкай находились въ услуженіи у одного богатаго Чукчи, имѣвшаго множество оленей и нѣсколько коней, къ своему несчастію онъ былъ ужасный скрага, за непошрѣную скуность свою и дурной нравъ никѣмъ мелюбимый человекъ. Ёррува и Крёкай особенно почему-то были недовольны своимъ хозяиномъ, заоумышляли и составили противъ него заговоръ, кончившійся тѣмъ, что сердитый хозяинъ, отправившись на море за промысломъ моржей, былъ покинутъ своими работниками во время сна, на необитаемомъ тогда островкѣ Айаутку, около 40 верстъ восточнѣ Эррея. Проснувшись, несчастный увидѣлъ весь ужасъ своего безнадѣжнаго положенія и не зналъ, что дѣлать. На помощь къ себѣ онъ громко звалъ своихъ рабовъ не вѣрныхъ, но голосъ его напрасно раздавался по пустынѣ. Черезъ нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ онъ питался оставленною ему моржавиною, бѣднякъ этотъ однако открытъ случайно проплывавшими тутъ байдарщиками, которые взяли его съ острова къ себѣ и такимъ образомъ спасли отъ ожидавшей его томительной смерти. Ёррува и Крёкай, прибывъ къ мѣсту лагерной стоянки, объявили, что хозяинъ ихъ утешулъ. Измѣнники эти завладѣли женами, стадами, юртами и всѣми пожитками бывшаго своего хозяина, но недолго они пожили покойно и счастливо—Ёррува и Крёкай; они окружили себя недобрыми людьми, долго волновали край и зарѣшили свою исторію тѣмъ, что, избѣгая заслуженныхъ преслѣдованій своихъ сородичей и общаго народнаго мщенія, оставили материкъ и со всѣми своими единомышленниками удалились въ море, куда отправились они отъ Якана (подъ 176° 32' восточной долготы отъ Гринвича). Бѣгство ихъ послѣдовало весною. Ёррува и Крёкай сначала ѣхали по морю на запряженныхъ въ сани оленяхъ, а по достиженіи талыхъ мѣстъ, уже плыли въ спущенныхъ на воду байдарахъ, которыхъ съ ними было 16. Въ настоящее время имена Ёррувы и Крёкайя, между Чукчами употребляются вмѣсто бранныхъ словъ. На одной разпросной картѣ, составленной, кажется, сержантомъ Андреевымъ въ 1763

году, обозначена въ сѣверной сторонѣ противъ Якана и самая земля обитаемая Храхайи ⁽⁵⁾.

Въ 1850 году случай познакомилъ меня съ однимъ кулючинскимъ старикомъ, который утверждалъ, что за моремъ, насупротивъ острова Кулючи, въ большомъ отдаленіи отъ азіатскаго материка, есть большая земля, всяма гористая, обитаемая народомъ чукотскаго племени; тамъ много лисицъ, песцовъ, бѣлыхъ медвѣдей, есть и олени, а въ морѣ водятся нерпы и моржи. Лѣсъ на той землѣ не произрастаетъ, а попадаетъ только плавной лѣсъ по морскому берегу, и то въ ничтожномъ количествѣ. Туземцы имѣютъ сношеніе съ Экыргаулями—такъ Чукчи называютъ Эскимосовъ, обитающихъ по сѣверозападнымъ берегамъ Америки. Островитяне сходятся съ Эскимосами зимою; на азіатскомъ материкѣ туземцы являются чрезвычайно рѣдко; между прочимъ нѣсколько человѣкъ выпло на островъ Кулючи, въ 1842 году, по случаю существовавшаго за моремъ большаго голода. Выходцы изъяснялись по-чукотски, но съ замѣтно измѣненнымъ выговоромъ (выходцевъ этихъ Чукчи, кажется, убили, чего будто бы требовало ихъ право мести, за дѣла Ъррувы). Однажды когда-то изъ-за-моря приходили также два человѣка, на Яканъ, они застали тутъ однихъ только женщинъ, мужчины были въ отлучкѣ за промысломъ нерпы, выпросили обувь и пищу, и затѣмъ удалились мирно. Одинъ изъ приходившихъ изъяснялся по-чукотски, а другой говорилъ на непонятномъ для Чукчанокъ языкѣ. Последнее обстоятельство заставляетъ предполагать на сѣверѣ людей разнаго племени; изъ другихъ разсказовъ видно, что тамъ есть даже люди бородатые, говорящіе по-русски.

Темные слухи о Русскихъ, скрывающихся гдѣ-то на неизвѣстныхъ островахъ Ледовитаго моря, ходили и ходятъ, не только между Русскими на Калымѣ и Индигиркѣ, но и между

⁽⁵⁾ Храхай, Хрѣхай, Храакай, Краакай, Крѣкой—это одно и то же имя, выговариваемое Чукчами на разные манеры; правильное произношеніе этого имени Крѣкай. Буква к у Чукчей изображаетъ гортанный звукъ, средній между русскими К и Х.

Чукчами за-шелагскаго края, именно между Чукчами, называющимися Кавра-рѣмикъ. Общее содержаніе этихъ слуховъ, если они вѣрны, предполагаетъ на сѣверѣ существованіе русскихъ людей. Слѣдующіе два краткіе разсказа, одинъ русскій, а другой чукотскій, покажутъ въ чемъ дѣло. Разсказъ русскій: Въ давніе годы, какой-то промышленникъ осматривалъ пасты на островахъ, около колымскаго устья; тамъ застывла его дурная погода, и онъ заблудился. Долго этотъ промышленникъ ѣздилъ по Ледовитому морю, и вѣтъ собаки привезли его въ незнакомое селеніе. Дома были рубленые въ уголъ. Тутъ приняла его какая-то женщина, которая однако ничего съ нимъ не говорила. Мужчины пришли къ нему поздно вечеромъ и зачали допросы: кто онъ, откуда, по какому случаю и зачѣмъ заѣхалъ къ нимъ, не слыхалъ ли чего объ нихъ прежде, не подосланы ли къ имъ? Подъ строгимъ надзоромъ русскіе островитяне содержали нашего промышленника шесть недѣль. Изъ дома не дозволено было отлучаться ни на шагъ, разговоры и всякое сообщеніе съ кѣмъ бы то ни было, воспрещены совершенно, и заключенникъ, кромѣ приставниковъ, ни съ кѣмъ не говорилъ. Между тѣмъ по производившемуся звону въ колоколь замѣтно было, что обитатели этого заповѣднаго селенія часто собирались на богомолье. По истеченіи шестимѣсячнаго срока промышленникъ далъ туземцамъ клятву молчать обо всемъ имъ видѣнномъ и слышанномъ. Кончилось все это тѣмъ, что промышленнику завязали глаза, вывели изъ селенія и далеко проводили. При прощаньи ему дано было множество бѣлыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ и сиводушекъ. Повязку съ глазъ онъ долженъ былъ снять однако же не прежде, какъ собаки сами собою остановятся на отдыхъ (побердовать). Разставшись съ провожатыми, Колымшанинъ поѣхалъ на полдни и достигъ знакомаго берега, къ собственнымъ своимъ пастямъ. Разсказъ чукотскій: Такъ называемые Кавра-рѣмикъ (торговые Чукчи), на трехъ байдаркахъ отправились однажды по дѣламъ торговли къ Экыригаулямъ, были захвачены вѣтромъ, который долго носилъ ихъ по

Ледовитому морю. Когда утихло, они припили къ незнакомому берегу, и увидѣли тамъ множество народа, вышедшаго къ нимъ на встрѣчу. Между тѣмъ Кавра-рѣмкитъ въ толпѣ замѣтили женщинъ, которыя, видя Чукчей, поднимали руки свои къ верху и говорили: „О Никола, сколь страшно“. На горѣ между тѣмъ былъ слышенъ колокольный звонъ. Таковы-то рассказы о какомъ-то русскомъ скитѣ на Ледовитомъ морѣ. Но если эти рассказы мы назовемъ даже сказками, они и тогда, намъ кажется, будутъ имѣть своего рода значеніе, при обсуживаемомъ нами главною вопросомъ о Сѣверной землѣ; въ нихъ нѣкоторымъ образомъ выражается мнѣніе объ этомъ предметѣ сѣверныхъ обитателей Восточной Сибири. Свѣдѣнія о русскихъ островахъ состоятъ не въ однихъ только приведенныхъ рассказахъ.

Новая Сибирь сдѣлалась извѣстной для географіи только въ началѣ текущаго столѣтія, между тѣмъ есть доказательства, что на этомъ островѣ Русскіе бывали за долго ранѣе. Якутскій мѣщанинъ Санниковъ, ѣздившій на Новую Сибирь, для пріисканія мамонтовой кости, видѣлъ тамъ, въ 1809 году, могилу, надъ которой стоялъ старый деревянный крестъ, съ церковно-славянскою надписью. Воклѣ могилы лежали перерубленные лыжи и стояла долгая, узкая, высокая нарта, строеніе которой отличалось отъ всѣхъ извѣстныхъ Санникову, и замѣтно было, что нарту эту тащили люди лямками. По возвышеннымъ мѣстамъ валялись кости разныхъ домашнихъ животныхъ — лошадей, коровъ, овецъ; на берегу замѣчено Санниковымъ развалившееся старое судно, имѣвшее мочальную конопать, а кокоры сдѣланы были изъ кедроваго дерева. Очевидно, на Новой Сибири, когда-то были Русскіе, и притомъ грамотные люди. Одинъ изъ этихъ Русскихъ тамъ умеръ и преданъ товарищами землѣ; объ участи прочихъ ничего неизвѣстно. Прочіе могли соединиться съ туземцами, — тогда на Новой Сибири обитали — Омоки, пожениться и произвести потомство, которое потомъ увлечено общимъ бѣгствомъ омокскаго племени съ извѣстныхъ острововъ Ледовитаго моря на неизвѣстныя, — годныя для жизни. Русскіе

также могли удалиться на острова Ледовитаго моря по аскетическому настроенію духа, столько свойственному нашимъ предкамъ. Замѣченное Санниковымъ на Новой Сибири старое судно съ мочальною конопатью могло принадлежать къ числу тѣхъ четырехъ кочей, о которыхъ сохранилось преданіе, что они на Ледовитомъ морѣ потерялись безъ вѣсти ⁽⁶⁾. Но меня особенно интересуеетъ стоявшая возлѣ могилы нарта, долгая, узкая, строеніемъ своимъ отличавшаяся отъ всѣхъ извѣстныхъ Санникову нарты. Все равно, принадлежала ли она новосибирскимъ Омокамъ или какимъ-нибудь русскимъ островитянамъ; дѣло въ томъ, что такіа нарты въ употребленіи и нынѣ, или по крайней мѣрѣ еще были въ употребленіи до 1847 года, только не извѣстно гдѣ именно и у какихъ людей. Такую нарту въ 1847 году принесло на льдинѣ съ моря и прибило къ берегу по восточную сторону называемой Большой рѣки, находящейся между Чаванскою губою и Большимъ Барановымъ камнемъ. Я осматривалъ эту нарту; примѣты ея: долгая, узкая, высокая, строеніемъ отличная отъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ

(6) Преданіе о четырехъ кочахъ, затерявшихся безъ вѣсти, до настоящаго времени сохранилось на Калымѣ и Индигиркѣ; между прочимъ объ немъ упоминается въ посланіи сотника Ивана Кобелева въ русскій скитъ на рѣкѣ Хевренѣ въ Америкѣ, писанномъ въ 1779 году. Въ бытность свою на островахъ Берингова пролива, сотникъ Кобелевъ слышалъ отъ туземцевъ, что въ Америкѣ, по рѣкѣ Хевренъ, есть острожець, называемый по чукотскому произношенію Книгювей, т. е. кино-вія или скитъ, въ которомъ живутъ бородатые люди, говорящіе порусски, умѣющіе читать книги и поклоняющіеся иконамъ; въ кино-віи есть церковь и производится звонъ колокола. Молодыя женщины и дѣвицы тамъ ходятъ на рѣку воду черпать съ тузками, которые украшены цвѣтными камнями. Въ этотъ-то русскій скитъ писалъ Кобелевъ, но не получилъ отвѣта. Свѣдѣніе объ этомъ мною заимствовано изъ Сибирскаго Вѣстника за 1822 годъ и пополнено со словъ, въ 1844 г., слышанныхъ мною отъ штатнаго чукотскаго переводчика, сотника Андрея Кобелева, сына Ивана Кобелева, упоминаемаго въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, и который на островахъ Берингова пролива находился при своемъ отцѣ.

нартъ; полозья, подбитые оленьимъ рогомъ, принаровлены не пластью къ землѣ, какъ обыкновенно бываетъ у нартъ, а ребромъ, и имѣли въ вышину четыре вершка, а въ толщину нѣсколько поболѣе полувершка. Полозья и на глухо насаженные копылья, окрашены грубою красною краскою, которая еще не успѣла слинуться. Оба полоза и почти всѣ копылья, составные, сдѣланные изъ сплоченныхъ между собою и оклеенныхъ кусковъ еловаго дерева. По чистотѣ отдѣлки замѣтно было, что нарта эта работана была не каменнымъ или желѣзнымъ инструментомъ. Нѣкоторыя части нарты скрѣплены перпячьими ремнями, еще неутратившими своего натурального цвѣта, по мѣстамъ покрытыми шерстью, еще не успѣвшею выпастъ или вышаркаться, и замѣтно было, что на этой нартѣ ѣздили недавно. Очевидно, она работана въ такомъ мѣстѣ, гдѣ водятся нерпы и есть олени, но весьма мало годнаго для домашнихъ подѣлокъ лѣса. Смотри на эту нарту, невольно тогда спрашивалъ я самъ себя: не принесло-ли ее къ Сибирскому берегу съ какихъ-нибудь неизвѣстныхъ сѣверныхъ острововъ?

8. Извѣстно, что холодъ по земной поверхности распределенъ весьма неодинаково, даже подъ одними и тѣми же широтами, и что онъ имѣетъ свои полюсы, изъ которыхъ одинъ находится въ предѣлахъ Якутской Области, внѣ полярнаго круга. Распределение это, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ положеніемъ горъ и очертаніемъ морей; первыя т. е. горы, при извѣстныхъ условіяхъ производятъ холодъ, а послѣднія—моря, до нѣкоторой степени утѣряютъ стужу. Обыкновенно климатъ раздѣляютъ на континентальный и приморскій. Континентальный извѣстенъ на сѣверѣ большими морозами въ зимнее время и сверхъ того большою разностію между крайними предѣлами — между повышеніемъ и пониженіемъ термометра въ теченіе года. Приморскій климатъ, кромѣ свойственныхъ ему сырости и тумана, отличается не столь значительною стужей въ зимнее время и меньшею, сравнительно, разностію между крайними предѣлами повышенія и пониженія температуры воз-

духа въ теченіе года. Замѣчанія эти совершенно вѣрны, относительно сѣверныхъ широтъ, лежащихъ за вѣстидесятыми параллельнымъ кругомъ, кромѣ сибирскихъ береговъ, на пространствахъ отъ устья рѣки Лены до мыса Яканъ, гдѣ въ зимніе мѣсяцы бывають необыкновенные холода и разность между крайними предѣлами повышенія и пониженія температуры воздуха въ годичное время весьма большая. Метеорологическія наблюденія вполне подтверждаютъ это; укажемъ на нѣкоторые изъ общезвѣстныхъ данныхъ:

а) Мѣста, отличающіяся свойствами континентальнаго сѣвернаго климата:

Якутскъ подъ $62^{\circ}2'$ сѣверной широты. Средняя температура воздуха здѣсь за январь, по новому стилю, — $33,7$ Реом., за июль $+13,4$. Разность $47,1$.

Березовъ подъ $93^{\circ}56'$ широты. Средняя температура за январь, — $19,1$, за июль $+15,1$. Разность $34,2$.

б) Мѣста, находящіяся подъ вліяніемъ открытаго сѣвернаго океана:

Маточкинъ шаръ, на Новой землѣ, подъ $73^{\circ}19'$ широты. Средняя температура за январь — $12,3$, за августъ $+4,0$. Разность $16,3$.

Мелкая губа, на Новой землѣ подъ $73^{\circ}57'$ широты. Средняя температура за январь — $10,0$, за июль $+4,0$. Разность $14,0$.

в) Сѣверные берега Восточной Сибири:

Нижеколымскъ подъ $68^{\circ}32'$ широты. Средняя температура по Реом. за январь — $29,1$, за июнь $+6,9$. Разность $36,0$.

Устьянскъ подъ $70^{\circ}55'$ широты. Средняя температура за январь — $31,5$, за июль $+9,2$. Разность между повышеніемъ и пониженіемъ $40,7$. (Изъ Мѣсяцеслова за 1858 годъ).

Здѣсь приведены среднія цифры температуры болѣе холодныхъ и теплыхъ мѣсяцевъ, но въ частности, морозъ въ приморской полосѣ, нерѣдко доходитъ, по моимъ наблюденіямъ до 40° , а по наблюденіямъ г. Геденштрома даже до 46° , а въ

лѣтнее время у меня термометръ Реом. иногда показывалъ +30 въ тѣни. Въ послѣднемъ случаѣ разность между повышеиіемъ и понижеиіемъ будетъ весьма значительная — 76°.

Приморская полуса земли на указанномъ пространствѣ отличается несомнѣнными признаками континентальнаго климата, невозможнаго кажется, если бы сѣверные берега Сибири были открыты для океана. Страшный холодъ и большое колебаніе температуры были бы совершенно загадочнымъ явленіемъ, если не предположить, что вліянію океана, утѣряющему и то и другое, здѣсь что-то препятствуетъ; а препятствуетъ этому вліянію, по нашему мнѣнію, большая сѣверная земля или же цѣль большихъ острововъ, лежащихъ между Сѣвернымъ океаномъ и Ледовитымъ моремъ.

На шелагскомъ мысѣ, около устья рѣки Колымы и по другимъ приморскимъ мѣстамъ, лежащимъ между Яноу и урочищемъ Яканъ, вліяніе открытаго Сѣвернаго океана на температуру воздуха и состояніе атмосферы, какъ извѣстно, обнаруживается только въ дѣйствиіи западныхъ и западо-сѣверо-западныхъ вѣтровъ, которые въ зимнее время тамъ замѣтно смягчаютъ холодъ, если предъ наступленіемъ ихъ онъ былъ очень великъ, и приносятъ порою мокрый снѣгъ. Напротивъ того, эти же самые вѣтры въ лѣтнее время охлаждають атмосферу и тоже довольно часто приносятъ снѣгъ. Наблюдая за вліяніемъ этихъ вѣтровъ въ Нижнеколымскѣ, я нашелъ, что при полномъ своемъ развитіи, они, во всякое время года, доводятъ температуру воздуха до 2½ градусовъ холода, и оттого-то кажется, что лѣтомъ они производятъ холодъ, а зимою тепло. Наблюденіе надъ дѣйствиемъ вѣтровъ даетъ поводъ думать, что открытый Сѣверный океанъ, въ отношеніи къ сибирскому берегу, на указанномъ протяженіи, находится въ западо-сѣверо-западной сторонѣ; но собственно на сѣверъ противъ этихъ береговъ, за Ледовитымъ моремъ, должно быть или гористыя острова или большой землѣ, которая, сдерживая океанъ, способствуетъ большому холоду на сибирскихъ берегахъ,

колебанію температуры въ тѣхъ мѣстахъ и раннему замерзанію моря.

О раннемъ замерзаніи Ледовитаго моря мы уже имѣли случай упоминать; оно начинаетъ закрываться съ исходомъ, а иногда и съ половины сентября. Октября 10 дня 1845 года, я по Ледовитому морю, около Большаго Баранова мыса, ѣздилъ на нартахъ совершенно свободно; въ эту столь раннюю пору осени оно уже стояло по зимнему, и я нигдѣ не встрѣтилъ воды, кромѣ щелей, гдѣ вода бываетъ и въ теченіе прочихъ зимнихъ мѣсяцевъ. Въ весеннее время, на Ледовитомъ морѣ, около Большаго Баранова камня, снѣгъ едва начинаетъ таять съ 15 мая и только съ 21 мая нерпы являются въ этой мѣстности и выглядываютъ изъ своей снѣговой берлоги, чтобы погрѣться на солнцѣ. Замѣчательно, что около Шелагскаго мыса на Ледовитомъ морѣ, первые признаки наступленія весны, имено таяніе снѣга и появленіе нерпы изъ-подо льдовъ на солнце, начинается, въ сравненіи съ больше-барановскою мѣстностію, ранѣе двумя, а иногда цѣлыми тремя недѣлями, хотя Шелагскій мысъ нѣсколькими минутами сѣвернѣе Баранова и 200 верстъ восточнѣе. Чайки появляются около Большаго Баранова камня только въ половинѣ мая, къ Шелагскому мысу онѣ прилетаютъ въ первыхъ числахъ мая, а у мыса Яканъ я уже 19 апрѣля встрѣтилъ пару чаекъ, въ 1852 году. Наблюденія эти нѣсколько не согласны съ существующимъ между учеными мнѣніемъ о такъ называемой восточности континента, способствующей будто бы развитію холода. Восточность эта въ сѣверныхъ предѣлахъ Сибири не имѣетъ мѣста.

9) Признаки Сѣверной земли, усмотрѣнные сержантомъ Андреевымъ, Чукчами, капитаномъ Келлетомъ, мѣщаниномъ Санниковымъ, барономъ Врангелемъ.

Начальникъ Охотскаго порта, полковникъ Плениснеръ, находившись въ Анадырскомъ острогѣ, для обревизованія тамошнихъ дѣлъ, имѣлъ случай сблизиться съ Чукчами, которые передавали ему, что въ сѣверной сторонѣ, противъ устья рѣки

Колымы, есть большая земля. Пленисьеръ, изъ любви къ отечественной географіи, пожелалъ удостовѣриться въ справедливости чукотскихъ словъ и для этой надобности, съ разрѣшенія сибирскаго генералъ-губернатора Чичерина, въ 1762 году, командировалъ на Ледовитое море анадырской команды сержанта Андреева, на испытанное усердіе и способности котораго онъ вполне полагался. По прибытіи на Колыму, Андреевъ весною 1763 года осматрѣлъ Медвѣжьи острова, лежащіе противъ устья этой рѣки, на которыхъ замѣтилъ древнія развалиныя юрты, погреба со срубамн и одно укрѣпленіе. Постройка погребовъ и прочаго вообще не русская; теска и рубка топора не желѣзнаго, а каменнаго. Объ укрѣпленіи Андреевъ говоритъ: „А признаться, дѣлано оно съ превеликимъ трудомъ“. Въ слѣдующій годъ Андреевъ опять пускался въ походъ на Ледовитое море, къ Медвѣжьимъ островамъ, и на этотъ разъ ему посчастливилось, съ сѣвернѣйшаго изъ нихъ, гдѣ-то въ великомъ отдаленіи, открыть землю, обитаемую оленными людьми, до которой однакожь Андреевъ не доѣхалъ, изъ страха быть убиту или попасться въ плѣнъ. Для повѣрки доставленнаго Андреевымъ извѣстія, о сдѣланномъ имъ открытіи, въ 1767 году на Колыму посланы были изъ Тобольска геодезіи прапорщики Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ, экспедиція которыхъ длилась пять лѣтъ. Геодезисты совершили по Ледовитому морю къ Медвѣжьимъ островамъ изъ Нижнеколымска три поѣздки; но никакой Сѣверной земли не видали и ни отъ кого изъ туземцевъ объ ней не слышали. Это по-видимому тѣмъ страннѣе, что Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ были посланы на Колыму всего только черезъ три года, послѣ открытія, сдѣланнаго Андреевымъ; кажется, они могли бы узнать отъ колымскихъ обывателей, и въ особенности у провожатыхъ и отвозчиковъ, которые находились при Андреевѣ, во время его поѣздки на Ледовитое море, и которые слѣдовательно должны бы помннть и рассказать о томъ, чему еще такъ недавно были личными свидѣтелями. Подумаешь, Андреевъ передъ начальствомъ солгалъ

насчетъ своего открытія. Не этоть, по-видимому, столь страшный случай можетъ быть объясненъ очень просто: одинъ нижнеколымскій старичекъ, лично знавшій упоминаемыхъ праворицковъ геодезин и свѣжо помнившій разныя подробности пребыванія ихъ на Колымѣ, рассказывалъ мнѣ въ 1844 году, что эти господа, для малолюдного и бѣднаго тамошняго края, были въ большую тягость; они обременяли туземцевъ—безотвѣтныхъ нижнеколымскихъ обывателей, требованіями послугъ, квартиръ, истопщиковъ, провожатыхъ, подводъ, и все это даромъ, въ счетъ земскихъ повинностей. Не будетъ удивительнымъ, если при этихъ условіяхъ Колымшане и другіе знающіе люди отозвались передъ геодезистами незнаніемъ. Извѣстна поговорка народная: „знанія бѣжить, а незнайка лежить,“ а тутъ еще подводы требуютъ даромъ, за тысячу верстъ, да гонять въ море, для исправленія земской повинности на Медвѣжьихъ островахъ. Изъ словъ Андреева видно, что усмотрѣнная имъ земля находится въ великомъ отдаленіи отъ сѣвернѣйшаго изъ Медвѣжьихъ острововъ. Для повѣрки этого извѣстія Леонтьеву, Лысову и Пушкареву слѣдовало бы, кажется, ѣхать или плыть далѣе къ сѣверу отъ указаннаго острова, но этого не сдѣлано, и потому извѣстіе Андреева остается смѣлительствомъ, нелишненнымъ значенія для будущихъ изыскателей.

Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ за 1823-й годъ, въ разсужденіи земли, усмотрѣнной г. Андреевымъ, помѣщена небольшая статья, въ которой значится между прочимъ слѣдующее: „Другія извѣстія доказываютъ, что земля эта имѣетъ жителей, извѣстныхъ подъ именемъ Храхаевъ, которые землю свою называютъ словомъ Тикгемиъ. Жители Тикгема двухъ племенъ: одни изъ нихъ бородатые и походятъ на Русскихъ, а другіе принадлежатъ къ Чукотской породѣ. Состоявшіе при экспедиціи Бидлингса сотникъ Кобелевъ и толмачъ Дауркинъ, подтвердивъ описаніе Андреева, представили даже абрисъ оной земли, составленный однимъ американскимъ тоеномъ“. На видѣнныхъ иномъ картахъ земля, обитаемая народомъ Храхай (или Крѣэкай — это, по моимъ розысканіямъ, одно и то же имя, неодинаково выгова-

риваемое по-русски, но безразлично произносимое и во всѣхъ отношеніяхъ тождественное по-чукотски), обозначена насупротивъ чукотскаго берега, между Яканомъ и Шалатскимъ мысомъ, но въ такомъ отдаленіи отъ материка, куда ни одинъ путешественникъ покуда еще не проникалъ (¹).

Чукчами усмотрѣна земля съ матераго азіатскаго берега, между урочищами Яканъ и Лалеранъ, именно съ тѣхъ же самыхъ пунктовъ, на которые въ исходѣ лѣта прилетаютъ отъ сѣвера бѣлые гуси (лететь), о чемъ упомянуто было нами выше. Земля это бываетъ видимою лишь изрѣдка, а не постоянно. Не объ ней-то ли можетъ быть разсказывать г. Врангелю въ 1823 году Кымакай. Но горы, о которыхъ передастъ Кымакай, отмѣчены Врангелемъ подъ 70°55' широты, 176°30' долготы отъ Гринвича къ востоку, тогда какъ горы, о которыхъ свидѣтельствовали мнѣ Чуичи, по моимъ соображеніямъ, должны быть нанесены на карту подъ 72° широты 175° вост. долг., что будетъ, отъ указаннаго г. Врангелемъ пункта въ сѣверозападной сторонѣ.

Такимъ образомъ всѣ приведенныя мною свидѣтельства, о существованіи на сѣверѣ Ледовитаго моря земли, относятся

(¹) Сержанту Андрееву, при отправкѣ его на Колыму, между прочимъ поручено было отъ Чичерина, узнать, дѣйствительно ли Америка имѣетъ продолженіе въ западную сторону мимо Колымы, параллельно сибирскому берегу, о чемъ тогда носились темные слухи, основанные на какихъ-то преданіяхъ. Слухи эти и понынѣ еще живутъ въ народѣ. Здѣсь говорится не о продолженіи извѣстнаго американскаго материка къ западу въ параллели сибирскихъ береговъ, какъ я могъ удостовѣриться на исходномъ мѣстѣ всѣхъ этихъ слуховъ, напротивъ о совсѣмъ другой какой-то Америкѣ, неизвѣстно гдѣ находящейся на Ледовитомъ морѣ, которая иначе называется Сѣвornoю землею и которая покуда еще никѣмъ не открыта, но которую, по нижнеколымско-юкагирскому предсказанію „въ послѣднихъ вѣцѣхъ обрящетъ не мудрый человекъ“. Въ этомъ смыслѣ темные слухи, основанные на преданіяхъ, остаются по прежнему темными слухами, и вопросъ о Юкагирской Америкѣ, веимѣющей связи съ Америкою уже извѣстною, то есть вопросъ о Сѣвornoй землѣ, остается покуда вопросомъ нерѣшеннымъ.

именно до нахожденія тамъ одной неизвѣстной тверди, или гряды острововъ, туземцы которой, за отдѣленіемъ азіатскаго материка, не имѣютъ сношенія съ Чукчами, но если вѣрить разсказамъ словоохотливыхъ монхъ за-шелагскихъ пріятелей, эти инородцы временемъ производятъ нѣкоторый родъ торговли, мѣняясь своими произведеніями на разныя вещи съ американскими эскимосами, съ которыми имѣютъ они сношенія въ зимнее время, переправляясь къ нимъ черезъ море по льду. Вѣроятно эту же самую землю, а не другую, англійской службы капитанъ Келлетъ 17 августа 1849 г. усмотрѣлъ въ NW83°, съ острова Геральда, находящагося подъ 71°19'30" сѣв. шир., 175°15'41" западной долготы отъ Гринвича (8). Г. Келлетъ явственно отличилъ весьма возвышенную, гористую землю, которая, судя по составленной имъ картѣ, не далѣе отстоитъ отъ острова Геральда, какъ на 55 верстѣ. Но глазомѣрные дистанціи на глубокомъ сѣверѣ до такой степени обманчивы, что, слѣдуя по незнакомой мѣстности, на нихъ не можетъ положиться никакой опытный морякъ. Столь близко къ острову Геральду отмѣченная, весьма возвышенная и гористая земля можетъ быть на дѣлѣ въ нѣсколько кратъ далѣе, нежели какъ это казалось г. Келлету. На Ледовитомъ морѣ предметы, отстоящіе на 400 верстѣ, иногда кажутся какъ бы отстоящими очень близко.

Якутскій мѣщанинъ Санниковъ въ 1805 году нашелъ Өаддеевскую землю, имъ въ 1807 году открытъ западный берегъ острова, впоследствии названный Новою Сибирью. Санниковъ часто ѣздилъ на новосибирскую группу острововъ, за пріисканіемъ мамонтовой кости, и нерѣдко казалось ему, что въ сѣверовосточной сторонѣ, въ 70 верстахъ отъ Өаддеевскаго острова синѣетъ земля съ высокими горами. Санниковъ съ своими артельщиками неоднократно пытался проникнуть къ этимъ горамъ, но всегда былъ останавливаемъ на пути большими

(8) Свѣдѣніе о семъ я заимствовалъ изъ отчета Россійско-Американской Компаніи за 1850 годъ.

полюньями. Онъ путешествовалъ на собакахъ, безъ лодки. Впрочемъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, отъ Оадеевскаго острова въ сѣверовосточной сторонѣ, гористая земля многократно была усмотрѣна, кромѣ мѣщанина Санникова, и другими промышленниками, весьма часто, до 1842 года посѣщавшими Новосибирскіе острова. Въ этомъ году, на Новой Сибири несчастнымъ образомъ, кажется отъ недостатка пищи, вымерла партія промышленниковъ, состоявшая изъ шести человекъ; послѣ чего поѣздки туда прекратились. Нѣкоторые изъ промышленниковъ, ѣздившихъ на Новую Сибирь, были мнѣ знакомы лично; они передали, что усматриваемыя горы въ морѣ бываютъ видимы временно, и что горы эти иногда показываются весьма явственно, какъ бы отстоящія только на 60 верстъ, совершенно также, какъ иногда явственно и по-видимому близко показываются Новосибирскія, такъ называемыя Деревянныя горы, когда смотришь на нихъ съ матераго азійскаго берега, отъ котораго онѣ отстоятъ на 400 верстъ. Но изъ этого сравненія выходитъ, что сѣверная земля отъ Оадеевскаго острова отстоитъ не на 60 или 70 верстъ, какъ казалось Санникову и другимъ промышленникамъ, а можетъ быть вдесятеро далѣе, и кромѣ того она отдѣляется отъ Новосибирской группы такимъ же широкимъ проливомъ, какимъ отдѣлена Новая Сибирь отъ азійскаго берега.

Баронъ Врангель во время своей сибирской экспедиціи, явственно отличилъ однажды Сѣверную землю, которую потомъ онъ хотя и призналъ за туманъ, но это обстоятельство не лишено нѣкотораго значенія. г. Врангель усмотрѣлъ землю въ такомъ мѣстѣ, гдѣ съиздавна она предполагалась на основаніи темныхъ слуховъ и преданій, а именно противъ Шелагскаго мыса. Въ этомъ самомъ мѣстѣ, на одной старинной картѣ, именно означена земля, обитаемая народомъ Кыкыкме, похожимъ на Юкагировъ ⁽⁹⁾. Находившись подъ 71° 34' сѣверной широты

(9) См. Ежемѣсячныя сочиненія за 1758-й годъ, стран. 201.

2° 50' долготы отъ Большаго Баранова камня къ востоку, г. Врангелъ, какъ казалось ему и спутникамъ его, усмотрѣлъ гористую землю въ румбѣ NO 40°. Въ этотъ же румбъ отъ указаннаго пункта широты и долготы приходится и означенная на старинной картѣ земля, обитаемая народомъ Кыкыкме. На Ледовитомъ морѣ утесы иногда ясно представляются взору наблюдателя за 300, даже за 400 верстъ. На такомъ большомъ пространствѣ, отдѣляющемъ отъ наблюдателя наблюдаемый предметъ, туманъ незамѣтно могъ подняться, незамѣтно отгѣннлъ, усмотрѣнную за сотни верстъ, землю, и такимъ образомъ, пожалуй, ввелъ путника въ заблужденіе, которое въ такомъ случаѣ будетъ заблужденіемъ ложнымъ. Г. Врангелъ могъ видѣть ту самую землю, съ которой, по словамъ Чукчей, пролетаютъ въ исходѣ лѣта стада бѣлыхъ гусей.

Изложивъ здѣсь всѣ имѣющіяся у меня данныя о существованіи Сѣверной земли, я въ особой статьѣ, представлю мое мнѣніе, о возможности достиженія предполагаемаго полярнаго материка, и передамъ при этомъ, мои условія, въ какое время и при какихъ способахъ, можно отправить ученую экспедицію, которой можетъ быть суждено будетъ, кромѣ открытія Сѣверной земли, достигнуть недосягаемыхъ доселѣ предѣловъ сѣвернаго полюса.

Членъ-Сотрудникъ *Артеновъ*.

